УДК 903.53

DOI: 10.21209/1996-7853-2019-14-6-28-45

Алексей Михайлович Мамкин,

*Центр по сохранению историко-культурного наследия
Забайкальского края
(г. Чита, Россия),
e-mail: alex010272@yandex.ru*

Виталий Евгеньевич Белоусов,

*Центр по сохранению историко-культурного наследия
Забайкальского края
(г. Чита, Россия),
e-mail: centr-zabkr@mail.ru*

Новелла о курганах-керексурах на территории восточной провинции Байкальской Азии

В статье рассматривается вопрос о функциональном определении курганов, который на настоящий момент остаётся открытым. Факт отсутствия погребений в более чем 50 % керексурсов делает сомнительным погребальный характер данных сооружений. Погребения, зафиксированные в керексурах, представляют собой своеобразный антипод погребальному обряду культуры плиточных могил. Работа опирается на материал полувековых археологических изысканий на курганных сакрально-погребальных комплексах в Западном и Восточном Забайкалье. Приведены оригинальная интерпретация курганов-керексурсов и их датировка, что основано на результатах раскопок на Подлопаткинском, Бильчирском и Альбитуйском керексурных комплексах. Главное положение изысканий заключено в том, что мегалитические сооружения, традиционно обозначаемые как забайкальские керексуры, прежде всего, являются объектами солярного культа. Визуальное выражение «земного» солнца, как правило, принимает «циркулярная окружность». Таким образом, планиграфия керексура представляет собой солярный геоглиф. «Безинвентарность» костяков в керексурах принципиально выпадает из контекста погребальных обрядов в массивных курганных сооружениях скифо-сарматского мира. Погребения, жертвоприношения и прочие находки, изредка встречающиеся в керексурах, датируемые от раннего железного века до этнографической современности, не имеют прямой историко-культурной связи с керексурной архитектурой и традицией.

Ключевые слова: Забайкалье, сакральный, погребальный, керексур, культура плиточных могил

Aleksey M. Mamkin,

*Center for Preservation of Historical and Cultural Heritage
of Transbaikalian Territory
(Chita, Russia),
alex010272@yandex.ru*

Vitaly E. Belousov,

*Center for Preservation of Historical and Cultural Heritage
of Transbaikalian Territory
(Chita, Russia),
e-mail: centr-zabkr@mail.ru*

A Short-story about the Burial Mounds in the Territory of the Eastern Province of Baikal Asia

In the article, the issue of the functional definition of the burial mounds is represented. It is discussed nowadays. The fact of the absence of the interments in more than 50 per cents of the burial mounds makes the character of the structures doubtful itself. The interments fixed in the burial mounds are the antipode of the burial tradition of the culture of the tile graves. The work is based on the material of the archeological investigations of the burial mounds sacral complexes which lasted for a half of the century in Western and Eastern Transbaikalia. The author gives an original interpretation to the notion of the burial mounds and he defines the time when they were dated based on the results of the excavations in Podlopatinskoye, Bilchirskoye, Albituyskoye barrows complexes. The main position of the investigations is in that the megalithic structure traditionally marked as Transbaikalian burial mounds firstly they are the objects of the solar cult. At the same time the interments, the oblations and other findings are rarely found in the burial mounds dated from the early Iron Age to

© Мамкин А. М., Белоусов В. Е., 2019

the ethnographical contemporaneity historically and culturally are not connected with the burial traditions and the architecture. The inventory lack of bones in burials fundamentally falls out of the context of funeral rites in the massive burial mounds of the Scythian-Sarmatian world. It is suggested that the presence of bones in the burials may be interpreted as "funerary objects of the burial culture". It is logical to assume that these are either "intake burials" or traces of some lustration involving human sacrifice performed by the population of the plate graves culture. The authors suggest that the existing definition of "Karacharov culture" on the territory of Central Asia is a contentious issue.

Keywords: Transbaikalia, Baikal Asia, Podlopatki, Bilchir, Albituy, sacral, religious, burial, burial mound, culture of the tile graves, megalith, sacral marker

Введение. Независимо от глобальной энтропии, реакция человеческого разума на явления природы, в самом широком своём спектре, от проекции до аберрации, практически всегда тождественна, несмотря на все поступательные, качественно-количественные, революционные и эволюционные достижения науки на ступенях развития материальной культуры, а это именно та общая нивелирующая призма познания, через которую человечество наблюдает окружающую её ойкумену, и по сей день не существует заветной возможности понять бесконечность отражений мироздания.

К сожалению, то, что ещё давным-давно определили Эдуард Бернет Тайлор: «Всё, что не понятно – то сакрально», Гарет Чайлд: «Все непонятное – культовое» – «...а свято место пусто не бывает», и Мирча Элиаде: «...священный и мирской способы существования свидетельствуют о различии положения, занимаемого человеком в Космосе...» – до сих пор приходится констатировать [2, с. 91–92; 10, с. 18–64; 14, с. 19].

Вместе с тем на настоящий момент очевидно существование отдельных универсальных символов, одинаково понимаемых везде и всюду и в наше время, и в глубокой древности. Это символы, графемы, петроглифы и прочие изображения, обозначающие воду, небо, горы, животных, общину и наконец, самое главное, солнце. Солярный знак – окружность с циркульной точкой в центре – одинаково понятен на петроглифах в обеих Америках, Австралии, иероглифах Древнего Египта и Древнего Китая, в архитектуре курганов на Аптекарских холмах в США, солярных каменных курганов Горного Алтая, керексурсов в Центральной Азии и Забайкалье. Так, А. В. Тиваненко в ходе своих изысканий чётко указывает на очевидные аналогии в числе письменных знаков на петроглифах Якутии и Древнего Китая, «поразительное сходство в графической фиксации понятий» первых китайских пиктографических (иеро-

глифических) знаков с Ближневосточными (хеттскими, критскими, шумерскими и даже древнеегипетскими) (11, с. 15, 16, 35, 127, 131–142).

Солнце, свет, время во всех пиктографических системах изображаются как окружность с чётко обозначенной точкой, пятном или малой затушёванной окружностью в центре. На наш взгляд, это свидетельствует о том, что керексур, в первую очередь – объект древней культовой архитектуры, солярный мегалитический маркер – геоглиф, солнечный храм, нанесённый на сакрально значимый, рельефом обозначенный земельный участок. Погребальная функция керексура вторична, либо вообще отсутствует как таковая.

Общепринятая датировка керексурсов остаётся без изменения, а именно, конец II тыс. до н. э. – нач. I тыс. н. э. – период, помещающийся в карасукский – гуннский диапазон. Хронодиапазон возникновения керексурной сакрально-архитектурной традиции представляется достаточно широким, конец II тыс. до н. э. – VII–VI вв. до н. э. Широта датировки объясняется колоссальностью площади распространения керексурсов, простирающегося на тысячи километров по степной и лесостепной полосе от Тувы до Восточного Забайкалья.

Необходимо отметить, что «нижнюю» границу датирования, определяемую концом II – первой половиной I тысячелетий до н. э., некоторым образом подтверждают результаты раскопок, проведённых читинскими археологами в конце прошлого века в Западном Забайкалье, в долинах бассейнов рек Чикой и Хилок, на комплексах «Подлопатки» в Республике Бурятия и «Альбитуй» в Читинской области (Забайкальский край). Определение «верхней» границы датировки неоднозначно. Изыскания, проведённые на керексуре № 1 комплекса «Бильчир-1» в Красночикойском районе Забайкальского края, дали неожиданные результаты, которые, вероятно, позволяют омолодить хроноопределение отдельных керексурных объектов, вплоть до

гунно-сарматского времени, то есть не ранее III–II веков до н. э.

Методология и методы исследования. В ходе полевых исследований авторами произведён первичный осмотр, паспортизация и фиксация объектов на карте. На основе стратиграфического метода определены культурные горизонты. На этапе камерально-лабораторной работы применялся сравнительно-типологический метод, посредством которого классифицированы артефакты, определены способы обработки, выделены признаки археологических культур. Трасологический метод позволил определить функциональную принадлежность артефактов. Авторы на основе принципов научной объективности, историзма и системности использовали комплекс общенаучных методов, представленных проблемно-хронологическим, системно-функциональным, статистическими методами.

Результаты исследования и их обсуждение. Сакрально-погребальный комплекс «Подлопатки» расположен в седловине мысовидного скального возвышения левого берега р. Хилок, в пади Лужки, в 4 км северо-западнее с. Подлопатки Мухоршибирского района Республики Бурятия. Комплекс обнаружен в 1971 году в ходе археологической разведки д-ра ист. наук М. В. Константинова, позднее в 1974, 1991 и 1993 годах им же предприняты раскопки керексура (1974) и трёх сопровождающих курган плиточных погребений (погр. 1–3, 1993). В 1991 году в пади Лужки обнаружены два местонахождения наскальных рисунков. Одна из писаниц, расположенная на мысовидном скальном возвышении в 150 м восточнее комплекса, нанесена на панно, обращённое в долину р. Хилок. Писаница представляет собой выполненный красной охрой солярный символ – монохромное изображение циркулярной окружности (рис. 1).

В центре керексурного комплекса находился плотный каменный курган – панцирь с кольцевой оградой, выполненной из массивных каменных глыб. Диаметр керексура с кольцом-оградой составлял 18 м, диаметр панциря кургана не превышал 13 м, мощность панциря от уровня материка измерялась в диапазоне 0,1–0,8 м. В ходе раскопок, в том числе общей контрольной зачистки, человеческих останков, цист, могильных ям и прочих следов погребального обряда или погребальной архитектуры не обнаружено (рис. 2).

Инвентарь, обнаруженный в ходе разборки кровли панциря, в зольно-углистых пятнах, включал в себя многочисленные фаунистические останки (овца, лошадь, кося, собака). Найдены фрагменты керамических сосудов и металлические предметы: 3 железных втульчатых серпа (рис. 1: 1–3); железное шило (рис. 1: 4); 2 железных ножа (рис. 1: 5, 6); железный колчаный крюк (рис. 1: 7); железное кольцо (рис. 1: 8); бронзовая втулка с кольцом (рис. 1: 9); бронзовая ажурная пластина (рис. 1: 10); бронзовый бубенец (рис. 1: 11); 2 бронзовые ложечковидные застёжки (рис. 1: 12, 13); бронзовый игольник (рис. 1: 14). Все ранние находки, включая керамический комплекс, датируются в хронодиапазоне VII–VI веков до н. э. – II–I веков до н. э. [4].

Между панцирем и оградой фиксируются флотации камней средних размеров, которые могут толковаться как остатки линейных центростремительных каменных выкладок, составляющих известный архитектурный сакральный облик керексурных комплексов. Традиционно принято считать, что подобные линейные центростремительные каменные выкладки символизируют солнечные лучи или колесные спицы. К сожалению, к моменту раскопок 1974 года, в результате поздних средневековых включений и очевидного современного сельскохозяйственного антропогенного воздействия, секторы комплекса с указанными каменными флотациями в значительной степени утрачены.

В северо-западном, северо-восточном, восточном сегментах комплекса за пределами ограды обнаружены 8 кольцевых каменных выкладок-жертвенников. Ещё одна кольцевая выкладка уцелела южнее кольца ограды. Диаметр окружности, включающей в себя керексур с кольцевыми выкладками-жертвенниками, очевидно, превышал 22 м.

«Жертвенники» – определение паллиативное, которое не исключает такие интерпретации, как поминальники, сакральные маркеры. Даже если предполагать погребальное предназначение керексуров как основное, можно представлять, что кольцевые выкладки – это сакральные вотивные дублёры, уменьшенные модели центрального керексура, либо кенотафы представителей рода или кенотафы «смердов-нукеров» и т. п. Иными словами, перед нами предстаёт очередная бездна непроверенных и, очевидно, непроверяемых толкований.

Рис. 1. Подлопаткинский керексурный комплекс (ПМК); одиночные плиточные погребения (КПМ); писаницы (НР)

Fig. 1. Podlopatinski kerexur burial complex; single tiled burials; petroglyphs

Рис. 2. Подлопаткинский керексурный комплекс

Fig. 2. Podlopatinski kerexur burial complex

Фактически в комплексе сохранились 9 кольцевых каменных выкладок очажной фактуры, на поверхности заполнения которых, в кровле мощных зольно-углистых линз, обнаружены обожжённые колотые кости животных (овца, козуля), трудноопределимые фрагменты керамических сосудов – шамот.

С северо-западной стороны к кольцу-ограде примыкала кладка плиточного погребения (рис. 2: КПМ 1). Юго-западный,

южный сегмент архитектуры керексура повреждён сооружением трёх плиточных погребений (рис. 2: КПМ 2–4), одно из них (рис. 2: КПМ 3) помещено в пространство между панцирем и кольцом-оградой. С восточной стороны между кольцом-оградой и жертвенниками встроено ещё два, предположительно, плиточных сооружения (рис. 2: КПМ 5, 6).

Конструкции всех трёх раскопанных погребений (рис. 2: КПМ 1–3) на «дневной по-

верхности» представляли собой округлые, сильно задернованные, выпуклые каменные кладки, которые после зачистки визуализировались как прямоугольные ограды, длинной осью ориентированные по линии восток – запад. Сопроводительный инвентарь: фаунистические останки (овца), фрагменты керамики, костяной трёхгранный черешковый наконечник стрелы (рис. 1: 16), бронзовая выпуклая, полусферная пуговица (рис. 1: 15), погребальная архитектура и труположения костяков – на спине, головой на восток, в прямых эллипсовидных ямах глубиной 0,7–1 м, полностью соответствовал погребальной обрядности культуры плиточных могил. Немного выпало из контекста обнаружение (1993 г.) впускного средневекового погребения (в КПМ 3).

Сам факт включения в кладку КПМ средневековой могилы объясняет находки в кровле панциря керексура агентов средневекового керамического комплекса. Это позволяет интерпретировать очевидные попытки придать плиточным оградкам курганную форму и в целом подтверждает факт использования сакральных ландшафтов и элементов керексурной и плиточной архитектуры в сакральных целях в средние века и более позднее время [4].

Сакрально-погребальный комплекс «Альбитуй» обнаружен в 1973 году в ходе разведки профессора М. В. Константинова. В 2000 году, по результатам мониторинга, произведённого Центром по сохранению историко-культурного наследия Читинской области (ЦСИКН) и Забайкальским государственным педагогическим университетом (ЗабГПУ), принято решение провести аварийно-спасательные археологические работы на Альбитуйском комплексе. В результате зачистки обнаружилось, что благодаря паводковой аккумуляции большая площадь комплекса перекрыта тяжёлыми пойменными глинами и суглинками. В относительной целостности остались и керексур, и выявленные позже окружающие его кольцо-ограда, две каменные выкладки и пять плиточных погребений. Таким образом, Альбитуйский керексурный комплекс к началу работ был частично законсервирован и в ходе раскопок предстал в достаточно целостном виде (рис. 3, 4).

Альбитуйский комплекс расположен в 1,5 км юго-восточнее с. Альбитуй Красничейского района Читинской области, в приустьевом, левобережном участке р. Альбитуй (правый приток р. Чикой) в урочище

Степь. Каменная конструкция объекта размещается на невысоком (1–1,5 м от уровня общей поверхности), пологом, хорошо обозреваемом возвышении – останце обтекающей в центральной части урочища.

Объект представлен центральной насыпью – панцирем кургана с оградой, выложенной из крупных каменных глыб. Стороны ограды составляют 21–22 м. Насыпь плотная, округлая в плане (диаметр 8–9 м), высотой около 1 м. Ограда в плане подквадратной формы. Стороны ограды ориентированы по сторонам света. Размеры ограды составляют по линии восток – запад 18 м, по линии север – юг до 20 м. Контур ограды повреждён распашкой и размывом в период паводков, более всего со стороны углов конструкции. Не исключена вероятность того, что камни ограды использовались ещё в древности для возведения окружающих выкладок и плиточных могил.

Насыпь кургана сложена из разнохарактерного каменного сырья различных размеров (от крупных глыб до щебня, среди которого изредка встречались речные гальки и гравийные конкреции). Кладка многорядная, центральная часть сложена, как минимум, в 3–4 ряда. Глыбы насыпи кургана плотно уложены и расклинены камнями мелких и средних размеров, образуя плотный панцирь. Заполнение в пространстве между камнями представлено тёмно-серым пылеватым (иловатым) пестроцветом, щебнем. Выделяющиеся своей массивностью глыбы в центре панциря образовывали подпрямоугольный контур, открытый на восток – юго-восток (рис. 3, 4).

После завершения разборки панциря и прохождения контрольного штыка по всей площади раскопа керексура в теле материка следов перекопа, могильных ям не зафиксировано. В основании кургана следов погребений (антропологического материала, погребальной архитектуры) не обнаружено. Сопроводительный инвентарь представлен немногочисленным фаунистическим материалом (из определяемых – баран и лошадь). Керамический комплекс из панциря и в заполнении окружающих панцирь кладок датируется VII–V веками до н. э. (тапхарский этап КПМ), II веком до н. э. II веком н. э. (бальзинский этап КПМ). Кроме того, зафиксирована керамика гуннского облика, которая может датироваться (в долине р. Чикой) предположительно I–III веками н. э.

Рис. 3. Альбитуйский керексурный комплекс, погребения и кладки КПМ

Fig. 3. Albituisi kerexur burial complex, burials and masonry

Рис. 4. Альбитуйский керексурный комплекс

Fig. 4. Albituiski kerexur burial complex

В центре кургана на поверхности в заполнении панциря зафиксированы многочисленные углисто-золевые конкреции, вероятно, жертвенного характера. Здесь же в 2 м южнее условной центральной точки кургана произведена частичная выборка камней панциря и установлен ГУГК. В центральной точке, в 2 м севернее установленного геодезического пункта, в заполнении насыпи керексура обнаружен своеобразный «клад»: 7 бронзовых пронизок с фрагментами кожаных ремней (рис. 3: 1–8); бронзовый колокольчик (рис. 3: 1); бронзовая пряжка, орнаментированная S-образным зооморфным рельефом, предположительно голова барана (рис. 3: 2); а также фрагмент железного черешкового ножа (рис. 3: 9). Все находки «клада» могут датироваться VII веком до н. э. – началом н. э.

В итоге полномасштабной зачистки помимо керексура выявлено 4 плиточных погребения (рис. 4: КПМ 2–5), 2 подпрямоугольные каменные выкладки (рис. 4: КПМ 1, 6), расположенные внутри ограды кургана, и плиточное погребение (рис. 4: КПМ 8), расположенное в 10 м юго-западнее ограды.

Погребальная (в 5 могилах) и наземная архитектура всех сооружений полностью соответствовала обрядности культуры плиточных могил. Кладки невысокие, до 0,5 м, ограды подпрямоугольные, ориентированы по линии восток – северо-восток – запад, размером от 4×3 до 2×3 м. Стволы могильных ям прямые, не глубже 1 м. Положение всех без исключения костяков вытянутое, на спине, головой на восток – северо-восток, под костями черепа помещалась тёсаная гнейсовая плитка «подушка». Сопроводительный материал «на костяке» обнаружен только в западном, вписанном в периметр ограды погребении № 4 (рис. 5: КПМ 4; рис. 6). Погребение № 4 восточной своей частью было вклинено в центральную насыпь керексура. По завершении вскрышных работ стало очевидно, что глыбы перекрытия кладки плиточной могилы перекрывают камни насыпи кургана, а плиты восточного сектора ограды встроены в панцирь кургана, что, свою очередь, прямо указывает на более раннюю дату сооружения керексура по отношению к данной плиточной могиле.

В погребении № 4 обнаружены находки: бирюзовая бусина (рис. 6: 1), височные кольца (рис. 6: 2–3), полусферные пуговицы-бляшки (рис. 6: 4–5) имеют многочисленные аналогии в памятниках КПМ и могут датироваться на данной территории в пределах VIII–III веков до н. э. [7, с. 75–78].

Керексурный комплекс «Бильчир» расположен около 3 км южнее — юго-западнее с. Урлук (Красночикойский район Забайкальского края), на склонах горы Бильчир, в междуречье р. Ширкатуй и Урлук (правый приток р. Чикой). Объект представлен пятью керексурными группами: группа № 1 – 4 кургана, 10 разновременных погребений; группа № 2 – 1 курган, около 8 разновременных погребений; группа № 3 – 1 курган, частично разрушенный бульдозерной врезкой; группа № 4 – 5 курганов, около 5 разновременных погребений; группа № 5 – 2 кургана.

Все сооружения ситуационно связаны друг с другом, группы образуют сигма-образное полукольцо, охватывающее гору Бильчир с севера, запада и юга.

Комплекс «Бильчир» обнаружен в ходе разведки ЦСИКН в 1995 году. В 1999 году произведены археологические раскопки кургана № 1 керексурной группы № 4 (рис. 7), позволившие проследить конструктивные детали сооружения и датировать объект в хронодиапазоне: конец I тыс. до н. э. – начало I тыс. н. э. За исключением двух неглубоких мелиоративных каналов, планиграфия кургана ничем не нарушена, впускные кладки, погребения КПМ или средневековые, современные, любые отсутствуют. В целом курган № 1 является демонстративным керексурным, солярно-сакральным сооружением.

В ходе раскопок выявлена конструкция, представленная округлой в плане каменной насыпью, окружённой кольцом-оградой. Размеры конструкции с оградой составляют 17 м, диаметр центральной насыпи – 12–13 м, высота кладки не превышает 0,7 м. Сооружение сложено из крупных и средних каменных глыб. Массивные глыбы насыпи кургана плотно подогнаны друг к другу и расклинены камнями мелких и средних размеров, образуя плотный панцирь. Костей человека, следов погребения или грабительских западин не обнаружено (рис. 9).

Сопроводительный инвентарь керексура небогатый. Представлен изделиями из железа (предметы современности, гвоздь с грибовидной шляпкой, предположительно датирующийся эпохой средневековья); каменным пестом, тремя отщепами; тремя фрагментами керамических пряслиц; резаной берестой; костями животных (таранные кости овцы, лошади; кости свода черепа, верхняя челюсть крупного травоядного животного – корова?); многочисленными фрагментами керамических сосудов (рис. 8: 1–3).

Рис. 5. Погребение КПМ № 4. Альбитуйский керексурный комплекс

Fig. 5. Burial (a single tiled burial) No. 4. Albituiski kerexur burial complex

Рис. 6. Костяк из погребения КПМ № 4. Альбитуйский керексурный комплекс

Fig. 6. The backbone of the burial of the single tiled burials No. 4. Albituisi kerexur burial complex

Рис. 7. Керексурная группа Бильчир № 4

Fig. 7. Kerexur burial group of Bilchir No. 4

Рис. 8. Керексурная группа Бильчир № 4. Артефакты

Fig. 8. Kerexur burial group of Bilchir No. 4. Artifacts

Рис. 9. Керексурная группа Бильчир № 4. Керексур № 1

Fig. 9. Kerek-sur burial group of Bilchir No. 4. Kerek-sur burial № 1

Керамический материал можно датировать в самом широком диапазоне – от гунно-сарматского времени до современности. Материал представлен фрагментами фарфоровой посуды, поливной керамикой XVIII–XIX веков, толстостенной лепной керамикой XVII–XIX веков, средневековой керамикой, орнаментированной рядами парных насечек, фрагментом керамики, орнаментированным по венчику наклонным гребенчатым штампом, прочерченными

линиями и жемчужинами вдоль нижнего края венчика и обломками сосуда гуннского времени. Сосуд тонкостенный, серого цвета, лепной со следами лощения, обжиг неровный, представлен (после аппликации) с S-образным профилем, с изогнутым наружу венчиком, вдоль шейки орнаментирован двумя параллельными и одной волнистой прочерченными линиями (рис. 8: 1). Все находки обнаружены при зачистке поверхности панциря кургана, здесь же выявлены

многочисленные зольно-углистые скопления. Обломки сосуда гуннского времени располагались обособленно, они обнаружены в центральной части насыпи, в наиболее плотной ее части, под основанием панциря [6, с. 20–32].

Отметим, что строительный материал керексуров – камень, различающийся размерами от совсем мелкого бута (0,2×0,2 м) в заполнении панциря до мегалитических глыб (более 2×2 м) в ограде и в основании панциря. Сами курганы невысокие, сильно задернованы и плохо читаются визуально. Камни курганов нередко перемежаются с камнями из расположенных вблизи скальных выходов.

Нередко архитектура керексуров разрушена ещё в древности, возможно, даже современниками их сооружения. С каждым годом обнаружение и обследование керек-

суров становятся всё более сложным и трудоёмким делом, однако целенаправленный поиск приносит результаты. Так, в 2018 году, в ходе работ на территории земельного участка «Никольский» Никольского каменноугольного месторождения», производимых ГУК «Центр охраны и сохранения культурного наследия» Забайкальского края, было обнаружено и обследовано два Тугунуйских керексурно-плиточных комплекса.

Тугнуйские сакрально-погребальные комплексы – керексуры и сопровождающие их плиточные могилы – расположены на границе горной тайги у южных отрогов хребта Цаган-Дабан, в лесостепных провинциях, характерных для верхних участков Тугнуйской долины, около 4 км южнее – юго-восточнее пос. Саган-Нур Мухоршибирского района Республики Бурятия (рис. 10).

Рис. 10. Керексурные объекты «Улан-Хада», «Шеки-1»

Fig. 10. Kerexur burial objects “Ulan-Khada”, “Scheki-1”

Комплекс «Улан-Хада» располагается в амфитеатре, образованном юго-восточными скатами горы Улан-Хада (977,0), на северо-западном берегу оз. Туйнуйге (р. Тугнуй, пруд-отстойник карьерных вод), южнее – юго-восточнее вершины горы, у восточной подошвы резконаклонного террасовидного ската, поросшего редким сосновым

и берёзовым подлеском, ниже скального останца.

Задернованные каменные конструкции кургана-керексура и двух погребений КПМ (северо-восточнее и юго-западнее кургана) установлены вдоль линии бровки делювиального шлейфа – конуса выноса из амфитеатра. Керексур представлен курганной

(панцирной) насыпью округлой формы, высотой не более 1–1,5 м, сложенной из каменных глыб крупных и средних размеров. Видимый диаметр насыпи не превышает 7–8 м, кладка обнесена кольцом-оградой диаметром 9–10 м, сооружённой из массивных каменных глыб. Западное погребение (погр. 1) – подпрямоугольная в плане ограда, из вертикально установленных плит и глыб, расположенная около 8–9 м юго-западнее кольца-ограды керексура, ориентированная длинной осью по линии восток – запад. Высота вертикальных плит и глыб не превышает 0,8 м, линейные размеры ограды 3×4 м. Восточное погребение (погр. 2), тождественное первому, расположенное 3–4 м юго-восточнее кольца-ограды, высотой не превышает 1 м, линейные размеры составляют 5×4 м.

Комплекс «Щеки-1» расположен 3,25 км южнее пос. Саган-Нур Мухоршибирского района Республики Бурятия, 160 м юго-западнее вершины горы (912,3), в амфитеатре, образованном южными и юго-западными скатами горы, на южной экспозиции поверхности конуса выноса, в западной части урочища Щеки, на северном берегу оз. Туйнуйге.

Объект включает 3 задернованные каменные конструкции, установленные перпендикулярно тыловой линии делювиального шлейфа – конуса выноса из амфитеатра, у границы скальной осыпи. Сакрально-погребальные объекты представляют собой: курган-керексур и 2 погребения КПМ, расположенные около 10 м севернее кургана. Во всех кладках каменных сооружений отчетливо прослеживаются следы грабительских раскопок. Керексур представлен курганной (панцирной) насыпью округлой формы, высотой не более 1,5 м, сложенной из каменных глыб крупных и средних размеров. Видимый диаметр насыпи не превышает 8 м, кладка обнесена кольцом-оградой диаметром 10–12 м, сооружённой из массивных каменных глыб. Две подпрямоугольные в плане ограды – погребения КПМ, расположенные севернее кургана, сложены из вертикально установленных плит и глыб, ориентированные длинной осью по линии восток – запад. Высота вертикальных плит и глыб не превышает 0,8 м, линейные размеры оград составляют около 3×4 м.

Существует ряд особенностей сакральной архитектуры объектов «Улан-Хада» и «Щеки-1», заслуживающих особого внимания:

Во-первых, в отличие от солярных курганов в хилокской, селенгинской долинах –

туйнуйские керексурные сооружения относительно небольшие. Место сооружения объектов – смешанные горно-таёжные и лесостепные верховья Хилокско-Селенгинского бассейна. Возможно, что здесь мы имеем дело со своеобразной маргинальной (пограничной) вариацией солярных курганов «уукского» типа. Вероятно, на Тугнуе, на северо-восточной границе северной провинции Великой степи возникает традиция относительно малых линейных форм керексурной архитектуры, сложившаяся либо из-за длительной диффузии сакральной культуры, либо же по причинам демографической депопуляции, обусловленной окончательной ассимиляцией носителей этого сакрального обычая.

Во-вторых, на объекте «Щеки-1» большинство тёсаных каменных глыб, составляющих ограду ближайшего погребения КПМ, извлечены из периметра ограды и подправляют кольцо ограды кургана.

В археологической традиции более 20 лет бытует «дефиниция» – «археологическая культура керексуров», подготовленная А. Д. Цыбиктаровым и изложенная уже как аксиома А. В. Константиновым в учебном пособии для студентов исторических вузов [5, с. 20–22]. Однако в определении «археологической культуры», на наш взгляд, есть нерешённые вопросы и проблемы.

Необходимо отметить существенность вопросов, возникающих в процессе выделения «археологической культуры керексуров» – это, в первую очередь, решение хронодиапазона датировки, а также отсутствие определения историко-культурного комплекса керексуров (ИКК) – того самого своеобразного кода, составленного из наиболее значимых черт и традиций, на который справедливо указывает С. Г. Боталов. Это тот самый код, который может отчасти трансформироваться в процессе перемещения кочевников, но продолжает сохранять основные черты, выступающие на последующих стадиях своеобразными маркерами их сакральной и материальной культуры [1, с. 106–127].

Единственное из всех характеристик, что достаточно точно определяется как типологический признак керексуров, – это планиграфия и профилировка керексурной архитектуры. Установлено, что керексур – в плане – каменный курган-панцирь из плотно подогнанных друг к другу каменных плит размером, как правило, не превышающим 1 или 2 м, по окружности обнесён кольцевой (изредка прямоугольной) оградой, ино-

гда с выложенными мелким камнем, концентрическими лучами изнутри и очагами-розетками снаружи.

С определением ИКК зачастую возникает проблема. Агентов типологического предметного ряда находок из курганов-керексурсов, которые хоть как бы контрастировали с материалами уже существующих культур (либо с Дворцовой, либо с культуры плиточных могил, либо с Забайкальскими гуннами), до сих пор не определено.

Например, керамический комплекс, собранный в заполнении панцирей керексурсов на территории Красночикойского района Забайкальского края, достоверно датируется от VIII в. до н. э. – до XIX в. н. э. Данный керамический комплекс полностью соответствует аналогичным коллекциям, обнаруженным в панцирях керексурсов всего Западного Забайкалья.

Иными словами, более поздние агенты, такие, как поливная керамика XVIII–XIX вв. н. э., можно свободно отнести в разряд случайных находок (следы времяпрепровождения, оставленные местными поселенцами в живописном, визуальном интересном, ландшафтном участке рельефа). В то же время лепная жгутовая керамика с оттисками перевитого шнура, шашечным орнаментом и прочими характерными признаками однозначно указывает на возраст конца II тыс. до н. э. – первой половины I тыс. до н. э. Казалось бы, на этом вопрос хронологического определения можно закрыть, однако находка сосуда гуннского типа, обнаруженного в основании панциря кургана-керексура (Бильчир, гр. 4, курган 1) датируемого гунно-сарматским временем (конец I тыс. до н. э. – начало I тыс. н. э.), значительно отодвигает позднюю границу данных сооружений. Справедливо отметить, что это совсем не исключает преобладающей датировки курганов-керексурсов временем немногим более раннее КГМ, вероятно, в отдельных местечках – рефугиумах синхронным плиточным могилам¹.

Вопрос функционального определения курганов на настоящий момент также остаётся открытым. Сам факт отсутствия погребений в более чем 50 % керексурсов ставит под сомнение погребальный характер данных сооружений. Погребения, зафиксированные в керексурах, представляют собой своеобразный антипод погребальному обряду КГМ и, возможно, носят жертвенный

характер. На это указывает трупомещение в цистах, головой на запад, т. е. лицом «от заката». С точки зрения номадов-плиточников, эти погребённые заранее лишены «нормального» посмертного существования.

Костяки, зафиксированные в курганах, более чем в 50 % случаях обнаружены без какого-либо сопроводительного материала [12, с. 37–46; 13, с. 37–46]. Отметим, что «безинвентарность» костяков в керексурах принципиально выпадает из контекста погребальных обрядов в массивных курганных сооружениях скифо-сарматского мира. Немногочисленные костяки, обнаруженные в панцирях керексурсов, в целом соотносятся с антропологическим типом населения раннего железного века Байкальской Азии. Причём, помещая каждого такого погребённого лицом на восток (головой на запад), в контексте существующего в плиточном Забайкалье погребального обряда, данным жертвам категорически отказывается в «счастлимом» или вообще любом «посмертии». Таким образом, присутствие костяков в керексурах, вероятнее всего, нельзя интерпретировать как «погребальные объекты культуры керексурсов». Логичнее допустить, что это либо «впускные погребения», либо следы какой-то люстрации с участием человеческого жертвоприношения, выполненной населением КГМ.

Выводы. На основании всего изложенного выше, предложенное отдельными исследователями-археологами и историками определение «культура керексурсов» на территории Центральной Азии представляется либо преждевременным, либо вообще неверным.

Как справедливо отмечено А. И. Мартыновым, солярный культ в скифо-сибирском мире даёт представление о «земном» солнце, повторенный в сакских, савроматских, и, наконец, даже в тагарских сакральных объектах [9, с. 13–15]. Визуальное выражение «земного» солнца, как правило, принимает «циркулярная окружность». Таким образом, планиграфия керексура представляет собой солярный географ.

Необходимо отметить, что планиграфия монгольских и забайкальских керексурсов повторяет очертание наскальных солярных рисунков, обнаруженных в Монголии и Забайкалье, Хакасии, Саянах, Памире, в Средней Азии и даже Швеции – это изображения ирреальных «небесных» колесниц, датируемые второй половиной II – началом I тыс. до н. э. [3, с. 28–30].

¹ Мамкин А. М. Бильчир // Энциклопедия Забайкалья. Читинская область: в 4 т. Т. 2. – Новосибирск: Наука, 2004. – С. 11.

И уж совсем загадочным представляется сооружение соляных мегалитов, обладающих аналогичной планировкой, на континенте, где колеса до этого вообще не знали, и даже лошадь была одомашнирована в «этнографическом прошлом». Речь идёт о знаменитом «Колесе Биг-Хорн» (США, штат Вайоминг), датированном, по непроверенным данным, как минимум XIII тысячелетием.

Вероятно, такая расширенная география только подтверждает общую интерпретацию курганов-керексурсов как соляных храмов, алтарей, маркеров в первую очередь напротив, более поздние жертвоприношения, погребения и прочее можно расценивать, безусловно, как второстепенное.

Характерное для керексурсов и объектов керекурсного типа расположение на местности, насыщенной жертвенниками и погребальными памятниками самого широкого хронологического диапазона археологических культур, известных на этой территории, в сочетании с разнохарактерными археологическими находками, обнаруженными на поверхности панцирей курганов, при очевидных этнографических параллелях позволяет интерпретировать эти объекты как соляные сооружения, своеобразные маркеры сакральных исторических ландшафтов. Данные сакральные исторические ландшафты, очевидно, сохранили свою актуальность с эпохи неолита – бронзового века до этнографической современности [8].

Список литературы

1. Боталов С. Г. Хунны и гунны // Археология, этнография и антропология Евразии. Новосибирск: Изд-во НГУ, 2003. С. 106–127.
2. Булкин В. А., Седых В. Н. Свято место пусто не бывает // Материалы тематической научной конференции. СПб.: Изд-во С.-Петербург. ун-та, 2000. 236 с.
3. Дэвлет М. А. Петроглифы на кочевой тропе. М.: Наука, 1982. 127 с.
4. Дроботушенко А. В., Мамкин А. М. Ритуально-погребальный комплекс у с. Полопатки // Обзорные результаты полевых и лабораторных исследований археологов, этнографов и антропологов Сибири и Дальнего Востока в 1993 г. Новосибирск: Ин-т археологии и этнографии СО РАН, 1995. С. 205–206.
5. Константинов А. В., Константинова Н. Н. История Забайкалья (с древнейших времён до 1917 г.). Иркутск: Круг, 2011. 272 с.
6. Мамкин А. М. Керексурный сакрально-погребальный комплекс в урочище Степь у с. Альбитуй в Красночикойском районе Читинской области // Человек, среда, время: материалы научных семинаров полевого лагеря «Студёное». Чита: ЗабГПУ, 2003. С. 20–32.
7. Мамкин А. М. Новые данные о датировании курганов-керексурсов (по результатам раскопок на археологическом комплексе Бильчир в Читинской области) // Забайкалье в геополитике России: материалы междунар. симп. «Древние культуры Азии и Америки». Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2003. С. 75–78.
8. Мамкин А. М., Кошевой А. В. Проблемы датирования и сакрального значения курганов-керексурсов Забайкалья // Историко-культурное наследие Северной Азии. Барнаул, 2001. С. 334–336.
9. Мартынов А. И. О мировоззренческой основе искусства скифо-сибирского мира // Скифо-сибирский мир. Искусство и идеология. Новосибирск: Наука, 1987. С. 13–25.
10. Тайлор Э. Б. Первобытная культура. М.: Политиздат, 1989. 573 с.
11. Тиваненко А. В. Древняя письменность Сибири (основные принципы дешифровки наскальной пиктографии). Чита: Экспресс-изд-во, 2011. 347 с.
12. Цыбиктаров А. Д. Культура плиточных могил Монголии и Забайкалья. Улан-Удэ: Изд-во БГУ, 1998. 287 с.
13. Цыбиктаров А. Д. Херексуры Бурятии, Северной и Центральной Монголии. Культуры и памятники бронзового и раннего железного веков Забайкалья и Монголии. Улан-Удэ, 1995. С. 37–46.
14. Элиаде М. Священное и мирское. М.: Изд-во МГУ, 1994. 144 с.

Статья поступила в редакцию 08.04.2019; принята к публикации 15.05.2019

Сведения об авторах

Мамкин Алексей Михайлович, старший научный сотрудник, Центр по сохранению историко-культурного наследия Забайкальского края; 672000, Россия, г. Чита, ул. Анохина, 53; e-mail: alex010272@yandex.ru; ORCID: 0000-0003-2211-0123.

Белоусов Виталий Евгеньевич, старший научный сотрудник, Центр по сохранению историко-культурного наследия Забайкальского края; 672000, Россия, г. Чита, ул. Анохина, 53; e-mail: centr-zabkr@mail.ru; ORCID: 0000-0002-6521-7863.

Вклад авторов в статью

А. М. Мамкин – основной автор, разрабатывал концепцию статьи, осуществлял анализ материалов, чертёжные работы.

В. Е. Белоусов осуществлял анализ материалов, камеральную обработку артефактов.

Библиографическое описание статьи

Мамкин А. М., Белоусов В. Е. Новелла о курганах-керексурах на территории восточной провинции Забайкальской Азии // Гуманитарный вектор. 2019. Т. 14, № 6. С. 28–45. DOI: 10.21209/1996-7853-2019-14-6-28-45.

References

1. Botalov, S. G. The hunns and the hunns. Archaeology, Ethnography and anthropology of Eurasia. Novosibirsk: Izd-vo NGU, 2003: 106–127. (In Rus.)
2. Bulkin, V. A., Sedyh, V. N. Holy place is never empty. Proceedings of the thematic scientific conference. S.-Peterburg: Izd-vo S.-Pb. universiteta, 2000. (In Rus.)
3. Dehvet, M. A. Petroglyphs on the nomadic trail. M: Nauka, 1982. (In Rus.)
4. Drobotushenko, A. V., Mamkin, A. M. Ritual-funerary complex in Podlopatki. Review of results of field and laboratory researches of archeologists, ethnographers and anthropologists of Siberia and the Far East in 1993. Novosibirsk: Institut arheologii i etnografii SO RAN, 1995: 205–206. (In Rus.)
5. Konstantinov, A. V., Konstantinov, N. N. The history of the TRANS–Baikal (from ancient times to 1917). Irkutsk: Krug, 2011. (In Rus.)
6. Mamkin, A. M. Karacsony sacril and funerary complex in the tract of Steppe in S. Albatou Krasnochi-koyskoe in the district of the Chita region. Man, environment, time. Materials of scientific seminars of the field camp "Studenoe". Chita: ZabGPU, 2003: 20–32. (In Rus.)
7. Mamkin, A. M. New data on the Dating of burial mounds-keresurs (results of excavations at the archaeological complex of Bil in the Chita region). Transbaikalia in the geopolitics of Russia. Proceedings of the international Symposium "Ancient cultures of Asia and America". Ulan-Udeh: Izd-vo Buryatskogo nauchnogo centra SO RAN, 2003: 75–78. (In Rus.)
8. Mamkin, A. M., Koshevoj, A. V. Problems of Dating and of the sacred values of barrows-Karacharov Transbaikalia. Historical and cultural heritage of North Asia. Barnaul, 2001: 334–336. (In Rus.)
9. Martynov, A. I. On the worldview basis of the art of the Scythian-Siberian world. Scythian-Siberian world. Art and ideology.. Novosibirsk: Nauka, 1987: 13–25. (In Rus.)
10. Tailor, Eh. B. Primitive culture. Moskva: Politizdat, 1989. (In Rus.)
11. Tivanenko, A. V. The ancient script of Siberia (the basic principles of deciphering rock pictographs). Chita: Ehkspress-izdatel'stvo, 2011. (In Rus.)
12. Cybiktarov, A. D. The culture of the plate graves of Mongolia and Transbaikalia. Ulan-Udeh: Izd-vo BGU, 1998. (In Rus.)
13. Cybiktarov, A. D. Harikari Buryatia, Northern and Central Mongolia. Cultures and monuments of bronze and early iron ages of Transbaikalia and Mongolia. Ulan-Udeh, 1995: 37–46. (In Rus.)
14. Ehliade, M. The sacred and the secular Moskva: Izd-vo MGU, 1994. (In Rus.)

Received: 8 April 2019; accepted for publication May 15, 2019

Information about author

Mamkin Aleksey M., Senior researcher, Center for Preservation of Historical and Cultural Heritage of Transbaikalia Territory; 53 Anokhina st., Chita, 672000, Russia; alex010272@yandex.ru; ORCID: 0000-0003-2211-0123.

Belousov Vitaly E., Senior researcher, Center for Preservation of Historical and Cultural Heritage of Transbaikalia Territory; 53 Anokhina st., Chita, 672000, Russia; e-mail: centr-zabkr@mail.ru; ORCID: 0000-0002-6521-7863.

Contribution of authors to the article

A. M. Mamkin – main author, general concept of the article, analysis of materials, drawing works.

V. E. Belousov – analysis of materials, processing of artifacts.

Reference to the article

Mamkin A. M., Belousov V. E. A Short-story about the Burial Mounds in the Territory of the Eastern Province of Baikal Asia // Humanitarian Vector. 2019. Vol. 14, No. 6. PP. 28–45. DOI: 10.21209/1996-7853-2019-14-6-28-45.